

Е. В. Маслий

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Концептуальные смыслы *юродство* в религиозном дискурсе

Маслий О.В. Концептуальні смисли *юродство* у релігійному дискурсі. Стаття описує динаміку та особливості концептуальних смислів *юродство*, які відображені у різних текстах релігійного дискурсу: Євангелії, житіях Святих, молитвах, життєписах юродивих. Автор дійшов висновку, що головною особливістю осмислення *юродства* у релігійному дискурсі можна вважати той факт, що юродивий розглядався, з одного боку, як один із ідеалів російської святості, з іншого – уособлював собою нестандартні форми цієї святості.

Ключові слова: *концепт, юродство, юродивий, дискурс, релігійний дискурс.*

Маслий Е.В. Концептуальные смыслы *юродство* в религиозном дискурсе. Статья описывает динамику и особенности концептуальных смыслов *юродство*, отраженные в разных текстах религиозного дискурса: Евангелии, житиях Святых, служебных текстах, молитвах, жизнеописаниях юродивых. Автор приходит к выводу, что главной особенностью осмысления *юродства* в религиозном дискурсе можно считать тот факт, что юродивый рассматривался, с одной стороны, как один из идеалов русской святости, с другой – олицетворял собой нестандартные формы этой святости.

Ключевые слова: *концепт, юродство, юродивый, дискурс, религиозный дискурс.*

Masliy E.V. The Conceptual Meanings of *Yurodstvo* in Religious Discourse. The article describes the specific features and dynamics of the conceptual senses of *yurodstvo*, reflected in different texts of religious discourse: Gospel, hagiography, church texts, prayers, the biographies of yurodivys. The author comes to the conclusion that the chief characteristic of comprehending *yurodstvo* in religious discourse is the fact that the yurodivy was considered, on the one hand, to be an ideal of the Russian holiness, on the other hand, he embodied its nonstandard forms.

Key words: *concept, yurodstvo, yurodivy, discourse, religious discourse.*

Анализ контекстно обусловленных значений слов, формирующих лексико-семантическую парадигму концепта *юродство* (КЮ), показал значимость типа дискурса, в рамках

которого реализуется тот или иной текст. Принципиально важно, что осмысление феномена *юродства* (Ю) связано с разными типами сознания, чем предопределяется вариация

тивность дискурсивных проекций соответствующего концепта. В связи с этим полнота концептуального анализа может быть обеспечена проведением анализа дискурсивного.

По мысли А.М. Панченко, «память нации каждому крупному историческому персонажу стремится придать цельный, законченный облик. Памяти нации чужд протеизм. Она как бы «ваяет» своих героев. Иногда о таком «изваянии» можно говорить лишь условно: оно существует как некое «национальное ощущение», складываясь из разных фактов, оценок, эмоций, существует как аксиома культуры, не нуждающаяся в доказательствах и чаще всего не закреплённая в виде четкой формулы» [10:5]. В контексте этого высказывания целью статьи является описание «национального ощущения» юродства/юродивого, проявляющегося в религиозном дискурсе, а также того, из каких «фактов», «оценок» и «эмоций» оно складывается. Религиозный дискурс, в нашем понимании, формируют все письменные христианские источники, посвященные юродивому или упоминаящие его: тексты Евангелия, жития и жизнеописания святых, богослужебные и молитвенные тексты.

Известно, что «древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он «окормлялся» верой как насущным хлебом. В Древней Руси было сколько угодно еретиков и вероотступников, но не было атеистов» [10:15]. Религиозное мировосприятие тем самым лежало и в основе общенародного мировоззрения, что выделяет при описании феномена Ю религиозный дискурс как наиболее показательный.

Слово юродство в некоторых текстах религиозного содержания фигурирует в одном из своих первоначальных значений и означает глупость, неразумие, безрассудство, безумие:

Пять же бь отъ нихъ мудры, и пять юродивы (Мат. 25:2) (цит. по [3:669]).

Но вместе с тем «*церковь... признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства*» [3:669]. В связи с таким пониманием слова *юродивый* и *юродство* употребляются в традиционных терминологических сочетаниях *юродивый Христа ради*, *юродство Христа ради*, представляющих в полном или редуцированном виде. Отметим, что в служебных церковных текстах – тропарях, кондаках, акафистах, молебнах, а также житиях Христа ради юродивых – закономерно фигурирует лишь полное

терминологическое сочетание *юродивый Христа ради*.

С.А. Иванов, ссылаясь на Печерский Патерик (XII в.), отмечает дополнительный смысл слова юродствовать – «вести себя каким-то нестандартным образом» [8:239–240]. При этом исследователь называет юродивых «нестандартными святыми» [8:263] и указывает, что «какая-нибудь «неправильность» обнаруживается почти у каждого из складывавшихся в XV – XVI вв. юродских культов» [9:255].

В религиозных текстах слова *блаженный* и *юродивый* могут выступать в роли гиперонима и гипонима. Ср.: «Акафист блаженному Василию, Христа ради юродивому»; «Ксения Петербургская блаженная, Христа ради юродивая». В данном случае блаженный – святой – выступает в качестве гиперонима. Основанием для такой характеристики является существование различных видов святости: мученичества, столпничества, юродства и др. Соответствующие номинации могут сопоставляться и в качестве синонимов:

Искони убо Божественное писание глаголет о блаженных и юродивых и приснопамятных святых мужех [7].

В отдельной группе контекстов Ю получает амбивалентную квалификацию и в связи с этим оценку, модус которой зависит от точки зрения – внутренней или внешней – по отношению к религиозному мировоззрению. Например,

18 Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия» (I Кор. 1:18)¹.

Контексты этого типа отражают крайнюю антиномичность религиозного и мирского сознания: мудрость мира – безумие для верующих, и наоборот:

20 Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? 21 Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (I Кор. 1:20–21).

¹ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами [перепечатано с Синодального издания]. – М.: Издание Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов, 1968. – 925; 292 с.

Очевидно, что Ю с точки зрения верующего, отождествляется с силой Божией, крестом, мудростью, спасением, самим распятым Христом, христианством, «не сводимым к определению или формуле». Этот ряд связан с самим духом христианства, с «путем, противоположным фарисейству» (Архиепископ Иоанн), в широком смысле – с идеальной парадигмой поведения верующего. Ср.:

Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога (I Кор. 2:12).

Однако с точки зрения мирянина – внешнего по отношению к религиозной системе ценностей наблюдателя – все это выглядит безумием. Ср.:

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (I Кор. 2:14).

Со временем подобная полярность значений (Ю – идеал христианина, Ю – безумие) теряет свою актуальность. На смену альтернативе мирское – духовное приходит триада, в которой и православному и светскому миру противостоит юродивый. Ю как явление максимально усложняется, и, хотя приоритет в его понимании по-прежнему остается за «человеком веры», однозначная оценка «плохо – хорошо» уже не исчерпывает сложности отношения к этому парадоксальному феномену даже со стороны верующих.

Впервые тип юродивого был воплощен в древнерусской житийной литературе. Предусмотренная четкая регламентация поведения юродивого вполне закономерно «создала житийный и жизненный канон юродивого» [11:491], не исключавший долю вымысла как средства достижения каноничности жизни. В данном случае вымысел «имеет в своем роде не меньшую историческую ценность, нежели непреложно установленный факт», поскольку он отражает «глас народа» [10:14].

На примере текстов «Жития и деяния святого отца нашего Андрея, Юродивого Христа ради»¹ и «Жития блаженного Исидора» вы-

делим признаки, обуславливающие Ю их героев. Так, в житийном дискурсе юродивый предстает как аскет (биения, истязательство, крайнее телесное воздержание); чудотворец, провидец, предсказатель; отверженный; находящийся в постоянной молитве; имеющий духовное общение с миром духов, с апостолами, Богом; обличитель грехов, спаситель и наставитель на путь спасения; духовный воин, каждый миг своей жизни сражающийся на поле духовной брани; иноземец – иномирец. Оценка юродивого, как характерная особенность этих текстов, связана с интерпретацией его поступков и демонстрирует крайние значения: его видят святым; общающимся с демонами; астрологом; сумасшедшим. Контекстуальным синонимом Ю в житии является шутовство. Отметим, впрочем, что приведенная ниже реплика вложена автором в уста дьявола:

Андрей, ради твоего Сына принявшийся за шутовство, сам разрешил мне допросить его [5].

В молитвах, акафистах, кондаках прославляются подвиги и добродетели юродивого. В соответствии с жанром эти религиозные тексты отличает большое количество метафор, посредством которых восхваляются блаженные², например, «избранный сосуд Божией благодати, миром добродетелей преисполненный»; «преугодный ангеле земный»; «заре истины евангельская»; «угль божественный»; «пламень небесный» [1]. Повышенная метафоричность этих текстов позволяет авторам демонстрировать необычный (противоположный обыденному) взгляд на юродивого. Такой взгляд вскрывает «индивидуальную сущность предмета» и относит юродивого к духовному миру, живущему по своим законам, описание которых становится возможным именно с помощью метафорического языка.

В молитвах называются добродетели, за которые прославляется блаженный. Отчасти они совпадают с характеристиками «житийного» юродивого, но представляют собой расширенный перечень достоинств святого:

¹ Несмотря на Византийское происхождение «Жития Андрея», этот текст имеет принципиально важное значение, так как именно он был принят в качестве «эталона» для русских агиографов. Ср.: Русская «городская агиография как самостоятельный жанр сложилась лишь к рубежу XV–XVI в. и ориентировалась она на парадигму городского юродства, конкретно на житие Андрея цареградского» [8:246].

² Вспомним, что «в метафоре заключено имплицитное противопоставление обыденного видения мира, соответствующего классифицирующим (таксономическим) предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета. Метафора отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает включенность его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании» [2:189].

чудотворение

Спаси хотяй от бури в море потопляемых и к тебе о спасении своем возопивших, явился еси им на мори, во граде Москве неотступно пребывая, и от потопления избавил еси, да восхваляют Бога, чудесне тобою их спасшего, и возопиют ему;

якоже древле чудодействуя, расслабленных исцелял еси, слепым прозрение даровал еси;

божественная мудрость; добродетельность, учитель добродетели

жития добродетельного учителю, светозарный путь спасения показующей, уподобился, блаженне, нас, во тме греховней блуждающих, на путь правый настави;

чистота, абсолютная преданность Богу
предал еси всего себе Богу,

избранность

овча избранное Господня стада,

аскетизм

учил еси, преблаженне, презирати плоть;

тело свое яко врага смириый, путь подвига избравый,

терпение

многострадальным терпением твоим умиляеми,

бесстрастность

Радуйся, огнезrachный херувиме, в душе своей вся страсти поपालивый,

неотмирность

в мире сем вне мира живый, и славу всю его презревый;

странничество, пустынночество

неясыти пустынной уподобивыйся, крова себе на земли не имевый;

духовное подвижничество, подвиг

стезею подвига все житие свое прошедший;

обличительство

всякое нечестие и беззаконие необязанно обличал еси;

смирение

высотую смирения твоего умы наша удивляющий, глубиною смирения сердца наша умиляющий;

связь с истиной

Житие твое, Василие, неложное.

С особой контрастностью в молитвах противопоставляется земное и небесное, что наглядно утверждает духовную природу юродивого:

ум земной отринувый, небесный разум восприявый»; «земную мудрость всю покинуувый; безумна миру себе явивый [1].

Закономерно, что подобный идеал христианской праведности стал в период расцвета Ю образцом для подражания: «общий настрой эпохи сказался в «Домострое», составитель которого призывает всех православных: «Подражаймь... и поревнуем... уродивым Христа ради» (цит. по [8:265]). Агиографический канон предполагал некоторую ограниченность бытового контекста, в связи с чем биографии русских юродивых (похабов) практически лишены конкретных деталей [8:263].

В более поздних жизнеописаниях юродивых (XIX–XX вв.) во внешнюю событийную канву вплетается авторская интерпретация поступков героя. Главное для создателей – донести читателю происходящее максимально полно. Поэтому стиль жизнеописаний отличает детальность и реалистичность, чему способствует четко прорисованный бытовой фон. Авторы не обходят вниманием и «юродские выходки», смысл которых становится понятным из контекста:

подобаясь иногда безрассудству самых падших людей, бл. Паисий допускал подчас неблагопристойные слова и поступки. Особенно делал он это тогда, когда нужно было обличить живущих позорною жизнью женщин и девиц [12]

или непонятен вообще:

Пелагия Ивановна, будет тебе! Все-то бьешь, да убиваешь. Кажется, сама кошечка любила, а тут, гляди-кось, другого котенка уж убиваешь. Как это не жалко тебе? Ведь чем тварь же виновата! /– Так-то так, батюшка, – отвечает, да что же делать-то, когда так надо. Вот тебе и толкуй с ними. С блаженными-то [4].

Как видим, в ранних текстах религиозного содержания акцент в изображении юродивого сделан на том, что это «положительно прекрасный человек», исполненный исключительными добродетелями и достоинствами (обывательское понимание юродивого как сумасшедшего, астролога или того, кто общается с демонами, представлено единичными примерами). Особенности жизнеописаний юродивых в XIX–XX вв., отмеченные выше, задают «объемность» фигуры блаженного, но

не меняют характер отношения к герою, присущий древней агиографической литературе. Авторы жизнеописаний оценивают Ю как таковое положительно, почитают его как духовный подвиг, вид святости, признавая при этом «неправильность» святого, многие поступки которого непонятны, что вызывает порой резкую, агрессивную и неодобрительную реакцию не только обывателей, рядовых верующих, но и самих монахов (монахинь). В силу

того, что феномен юродства амбивалентен по своей природе, его оценка в исторической перспективе никогда не была однозначной. Даже для верующих юродивый предстал как святым, так и изгоем. Главной особенностью осмысления Ю в религиозном дискурсе можно считать тот факт, что юродивый рассматривался, с одной стороны, как один из идеалов русской святости, с другой – олицетворял собой нестандартные формы этой святости.

Литература

1. Акафист блаженному Василию, Христа ради юродивому, Московскому чудотворцу [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://fotinya.orthodoxy.ru/akafist_Svyatim_26.html — Загл. с экрана.
2. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики, или о пользе спора Арутюнова Н. Д. // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста : сб. статей / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М. : Наука, 1990. — С. 175—190.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Даль В. И. — М. : Русский язык, 1989—1991. — Т. 4: Р—V, 1991. — 683 с.
4. Дивеевская блаженная Пелагия Ивановна Серебренникова. Жизнеописание / [изд-е 2-е, доп. и испр. НОО «Дивеевский колокол»]. — Дивеево, 2002. — 83 с.
5. Житие и деяния святого отца нашего Андрея, Юродивого Христа ради [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://apokrif.fullweb.ru/apocryph1/andr_yurodiv.shtml — Загл. с экрана.
6. Житие и подвижничество и часть от чудес блаженного Исидора юродивого Христа ради, называемого Твердислов, ростовского чудотворца [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://isidor.ru/zhitije.htm> — Загл. с экрана.
7. Житие святого блаженного Прокопия, Христа ради юродивого, устюжского чудотворца (память 8/21 июля) [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://www.saints.ru/p/prokopi_ustug.html. — Загл. с экрана.
8. Иванов С. А. Блаженные похабы : Культурная история юродства / С. А. Иванов ; Рос. Академия наук. Ин-т славяноведения. — М. : Языки славянских культур, 2005. — 448 с. — (Studia historica). — Цв. вклейка после с. 256. — Библиогр. : с. 385—429.
9. Иванов С. А. Византийское юродство / С. А. Иванов. — М. : Межд. отнош. — 1994. — 238 с. — Библиогр. : с. 192—220.
10. Панченко А. М. Боярыня Морозова — символ и личность / А. М. Панченко ; [вст. ст. А. М. Панченко; состав, подготов. текстов, прим Н. С. Демков; оформ. Е. Г. Клодт] // Повесть о боярыне Морозовой. — М. : Худож. лит., 1991. — (Литература Древней Руси). — С. 5—18.
11. Толстой Н. И. Русское юродство как форма святости / Толстой Н. И. // Очерки славянского язычества. — М. : Индрик, 2003. — С. 489—493.
12. Христа ради юродивый старец Паисий (в мире Прокопий Григорьевич Яроцкий). Рясофорный монах Киево-Печерской Лавры (скончавшийся в 1893 году). — Изд-е Свято-Успенской Почаевской Лавры. — 1992. — 96 с.

© Е. В. Маслий, 2009